

ИСТОРИЯ.СИБИРЬ

"Научившись летать, я обрел внутренний покой". Как молодой учитель пытался улететь из СССР на кукурузнике

1 часа(-ов) назад

Молодой москвич Олег Михалев с энтузиазмом воспринял идею поехать в Казахстан работать школьным учителем. Но его мечты о воспитании нового поколения сразу же разбились о школьную бюрократию и коррупцию. Попытка бороться с системой в одиночку обернулась пятью годами карательной психиатрии. Выйдя на свободу, бывший учитель начал брать уроки пилотирования – он хотел угнать самолет и улететь на нем за границу.

Текст: ["Люди Байкала"](#), [Ася Гай](#)

| "Я пришел в школу молодым романтиком"

В 1973 году 26-летнего москвича Олега Михалева отправили работать по распределению заведующим агитпунктом в одну из школ Алма-Аты. "Я пришел в школу молодым романтиком, полагая, что в ней нужно воспитать человека прежде всего. Это полностью расходилось с официальной концепцией, в которой работа учителей определялась процентом успеваемости. В Алма-Ате просто уродовали детей", – таким было его первое впечатление от школы.

Вскоре Михалев узнал и о школьной коррупции: "Я столкнулся с местной мафией с заведующим ГорОНО во главе. Директор вместе с завГорОНО просто грабили школу. Этот механизм действовал в школах всего города. Я восстал против этого и немедленно был уволен. Восстановился через суд и снова вступил в схватку. От меня пытались откупиться квартирой. Затем однажды днем меня арестовывают, привозят в тюрьму, обвиняют в каких-то преступлениях, о которых мне ничего не известно, и признают невменяемым".

| "Тебя превращают в безгласное животное"

Признание невменяемым в брежневском СССР стало главным инструментом борьбы с инакомыслящими. Властям такой подход оказался выгоден по нескольким причинам. Во-первых, можно было избежать публичного суда, на котором обвиняемые критиковали бы советский строй. Во-вторых, сами диссиденты становились в глазах общества сумасшедшими, слова которых нельзя воспринимать всерьез. В-третьих, лечение, в отличие от тюрьмы, не было ограничено конкретными сроками, так что человека можно было изолировать от общества на любой срок. В то же время страх людей перед карательной психиатрией ничуть не уступал страху перед лагерем.

Самым распространенным диагнозом в делах диссидентов была вялотекущая шизофрения. Ни западные психиатры тогда, ни российские сегодня, существование такой болезни вообще не признают. Дело в том, что ее симптомы настолько размыты, что при желании их можно найти у любого человека. Для "лечения" больных тогда использовали препарат сульфазин. Он вызывал у пациентов сильные боли и воспаление. В начале XX века среди врачей действительно бытовала теория о том, что воспалительный процесс помогает снять психоз, но на Западе от нее быстро отказались, а вот в позднем СССР она получила второе рождение.

"Если вы как-то не так себя повели, вам вкалывали сульфазин, и вы два дня корчились от боли с температурой 42 градуса", – вспоминал другой диссидент, Владимир Буковский, тоже прошедший принудительное лечение. Точные

масштабы карательной психиатрии в СССР неизвестны, так как большая часть документов все еще засекречена. Но известно, что обвиняемых по политическим статьям признавали невменяемыми в 40 раз чаще, чем обычных уголовников.

Владимир Буковский

Получив диагноз невменяемого, Михалев провел пять лет на принудительном лечении в разных клиниках, от Москвы до Южно-Сахалинска. В больницах его часто избивали, а перед каждым переездом сотрудники КГБ проводили с ним "душеспасительные беседы". "Тебе устраивают социальную обструкцию, тебя превращают в безгласное животное. Я не мог смириться с тем, что уходит жизнь, что нет семьи, детей, не потому, что у меня преступный характер, а в силу преступности самого государства, которому во имя коммунистической идеологии наплевать на человеческие ценности", – вспоминал Михалев те годы.

|"Я получил оружие против этой силы, считающей всех нас рабами"

Вернувшись, наконец, на свободу, Михалев свел знакомство с пилотами легкомоторных самолетов, так называемых "кукурузников". На собственные деньги он брал у них частные уроки пилотирования.

"В больницах я подвергался избиениям, прессингу и в конце концов КГБ стало представляться мне какой-то мрачной силой. Как будто тебя бьют, а ты проваливаешься, постоянно проваливаешься, не можешь ощутить противника. Они бьют по всей линии обороны. Тебе устраивают социальную обструкцию, тебя превращают в безгласное животное и твоя душа чувствует все это и понимает. Мне нужно было обрести внутреннюю уверенность, и она пришла ко мне при помощи самолета.

Я познакомился с пилотами, и они научили меня управлять АН-2 ("кукурузником"). Я не планировал угона. Научившись летать, я обрел внутренний покой. Я получил оружие против этой всепроникающей силы, считающей всех нас рабами.

Но даже если представить, что я действительно хотел улететь, то я не вижу в этом вины. Ведь когда я сказал в ГБ о моем желании выехать за пределы СССР, то

получил прямой ответ: "Михайлов, мы тебя уберем". Тем не менее, в 1977 г. (за спиной было 5 лет психобольниц) я подал заявление в ОВИР Алма-Аты, но не успел дойти спокойно до дома. Шесть человек избили меня до такой степени, что я провалялся в больнице 3 месяца" (из записок Олега Михалева)

В советской истории было лишь три громких случая, когда люди бежали из страны на кукурузнике. Первым, в 1967 году это попытка совершить бывший военный летчик Павел Скрылев. Он угнал самолет с аэродрома в Грузии, пробравшись туда через дыру в заборе и взломав блокировку на моторе. Беглец направился в Турцию, но в небе над Черным морем его сбил бросившийся в погоню советский истребитель. И летчик, и самолет погибли.

В 1976 году другой военный летчик, Валентин Зосимов, за дисциплинарный проступок был переведен в авиапочту. Выполняя очередной рейс по Азербайджану, он улетел в Иран и запросил там политубежище. Советские власти потребовали от шаха вернуть перебежчика, открыто угрожая в случае отказа поддержать в стране вооруженное восстание против монархии. В итоге шах выдал Зосимова на родину, где тот получил 12 лет колонии.

Наконец, в 1987 году 24-летний Роман Свистунов все же сумел успешно улететь из СССР на кукурузнике. Он работал в Латвии пилотом сельских самолетов, с которых поливают поля химикатами. Однажды Свистунов напоил сторожа аэродрома, и когда тот уснул, угнал самолет и направил его в Швецию. В небе над Балтикой, уже у самых берегов Скандинавии, у него закончилось топливо, так что пришлось сажать самолет на воду. Последние несколько сотен метров Свистунов добирался до суши вплавь. Шведы приняли его у себя и дали политубежище.

Роман Свистунов

Что касается Михалева, то он провел на свободе всего год. В 1979 году его вновь арестовали и на этот раз приговорили к 13 годам колонии. Молодого человека признали виновным по целому ряду статей: от подготовки к нелегальному пересечению границы до дачи взятки. Взяткой посчитали плату пилотам за уроки вождения. Два месяца он провел в карцере, а когда начался суд, объявил голодовку. Из-за истощения Михалев не мог самостоятельно ходить, поэтому на заседания его носили охранники. Пилотов, которые обучали Михалева, сперва тоже попытались привлечь к делу в качестве обвиняемых, однако он все же сумел убедить судью, что они не подозревали о его планах побега.

|"Весь Советский Союз – очень большой лагерь"

За свой несостоявшийся побег Михалев отсидел в лагерях 11 лет из 13-ти. Два года из своего срока он провел в ШИЗО, а еще полтора – на голодовках.

"Лагеря в СССР – это апофеоз идеи. В принципе весь Советский Союз – очень большой лагерь с ослабленным режимом, где около 90% людей – политзеки. Он не для отдельных лиц, а для народов. Главный палач этого лагеря – коммунистическая партия. У большей части населения взгляды противоположны коммунистической доктрине. Просто у одних это вялотекущий процесс, а у других – активное сопротивление", – рассказывал он, выйдя на свободу...

В 36-ой зоне при мне умер Князь Мкртчян, 24 апреля 1985 г. повесившись в камере ШИЗО, а перед этим вскрыл себе вены и кровью написал на стене камеры: "В этом

прошу винить КГБ". Ему было всего 28 лет, сидел он по 70-ой, его друзьями были Паруйр Айримян, Арутюнян. Это были люди с чистой совестью. Фурасов был замучен КГБ. В 1986 г. его довели до смерти, отказывая в лечении. А уже во всю закрашивала фасад нашей тюрьмы малярная кисть Горбачева" (из записок Олега Михалева)

Когда в стране началась Перестройка, в колонии стали возить иностранных политиков и журналистов. В 1989 году такая инспекция приехала в лагерь, где сидел Михалев. Заключенным объяснили, что в стране теперь гласность, и никаких репрессий за интервью не будет. Михалев рассказал американским конгрессменам свою историю, а когда они уехали, его избили сотрудники колонии. После этого заключенные потребовали от администрации колонии смягчить режим, но организаторов протеста отправили на несколько месяцев в ШИЗО. Там, в штрафном изоляторе, 43-летний Михалев и встретил окончание своего срока в 1990 году.

В том же году он записал свои воспоминания, в которых подвел такой итог своей борьбе с системой: "Это протест против тех реалий, которые существовали и существуют в этом государстве, в этой зоне ослабленного режима, где одних убивают, других обманывают, третьих пугают, в этой пыточной камере, где густо пахнет страхом и подозрением".

Полный текст [воспоминаний Михалева](#) выложен на сайте томского музея "Следственная тюрьма НКВД". Как сложилась дальнейшая судьба диссидента, к сожалению, выяснить так и не удалось.

Этот контент также в категориях

Регионы

История.Сибирь